

Н. Б. Харламова, Ю. О. Чернявская

КОСМОГОНИЧЕСКИЙ МИФ В «ИСТОРИИ ПРО КОТА ИГНАСИЯ, ТРУБОЧИСТА ФЕДЮ И ОДИНОКУЮ МЫШЬ» Л. УЛИЦКОЙ

«История про кота Игнасия, трубочиста Федю и Одинокую Мышь» (2004) Л. Улицкой – произведение, изданное в формате детской книги, но обнаруживающее в подтексте адресацию взрослому читателю. Интертекстуальный код «Истории...» позволяет обнаружить отсылки к космогоническому мифу. Главная героиня выступает в ипостаси: демиурга, пытающегося создать собственный космос (упорядоченное бытие); одинокой женщины, пытающейся преодолеть свое одиночество; наконец, узнаваемого героя фольклорной сказки, не обладающего необходимыми для культурного героя способностями, что приводит к катастрофе. Рукотворный демиургизм Мыши подвергается осмеянию, а сама «История...» прочитывается как произведение о преодолении одиночества и обретении семьи. В основе авторской концепции лежит идея о мудром мироустройстве, при котором даже досадные случайности способствуют установлению гармонии и счастья.

Ключевые слова: сказки Л. Улицкой, литература с двойной адресацией, современная детская литература.

«История про кота Игнасия, трубочиста Федю и Одинокую Мышь» (2004) Л. Улицкой, изданная в формате книги для детей, в своем содержании обнаруживает «взрослые» смыслы и в целом вписывается в одну из тенденций развития литературной сказки как жанра, ориентированного одновременно на детскую и взрослую аудиторию. В этом ключе воспринимаются сказки первой половины XX в. (например, Ю. Олеши, А. Толстого, Е. Шварца), а также произведения современных авторов (Л. Петрушевской, С. Востокова, Л. Улицкой, в том числе)¹. Мы сосредоточили внимание на анализе трансформации космогонического мифа в сказке Л. Улицкой, до сих пор не исследованной.

Мифопоэтические образы, в том числе космоса и хаоса, в творчестве Л. Улицкой уже становились предметом анализа. С. Тимина обосновывает их использование стремлением писательницы к гармонии, упорядочению жизни [4, с. 537–549]. О. В. Побивайло отмечает: «Художественный мир Улицкой – хаосмос, мир становящийся и несовершенный, об этом говорят мотивы одиночества, болезни, страдания, безумия, страха, «аритмии» времени, неустроенности пространства. Но по законам того же мира находится герой-демиург, который ... совершает ритуал, возрождающий мир и изменяющий его» [5, с. 11].

Ю. М. Лотман утверждает, что структура художественного текста организуется посредством реализованных пространственно бинарных оппозиций [6], одной из которых выступает космос и хаос. Е. А. Стеценко утверждает: «Хаосом обозначалось то состояние всего сущего, когда оно еще сущим не являлось, не имея ни границ, ни формы, ни имени. Да и сам хаос получил определение только с возникновением идеи космоса, организованного и упорядоченного бытия. Эта антиномия

является изначальной, универсальной, обязательной составляющей практически всех исторически сложившихся картин вселенной – мифологической, религиозной и научной» [7].

В сказке Улицкой именно в соответствии с этой коррелятивной парой выстроено художественное пространство: зона, ограниченная домом-шкафом, в котором Мышь пытается создать свой «мир», «космос» – особый мышинный порядок и остальное пространство, находящееся за его пределами – неупорядоченная реальность. Попытка обернулась крахом, что, однако, привело не к трагическому исходу, а, напротив, к обретению счастья.

Одиночество Мыши, заявленное в ее имени, обусловлено чередой катастроф: «... муж еще в молодые годы утонул в большом кувшине молока, дети выросли и переехали в другой город» [8], ближайшие родственники погибли в результате несчастного случая. Бессемейность понимается автором как аномальное состояние (неслучайно упоминание о том, что у мышей обычно бывают большие семьи). Положение Мыши исключительно – она одинока, и виной тому не только обстоятельства, но еще и «немышиный» характер. Недостаток семьи, то есть исходную недостачу, Одинокая Мышь компенсирует изнурительным, бессмысленным трудом: круглый год пишет поздравления неграмотным родственникам, работает днем и ночью, наполняя свой дом всевозможным хламом. Вещи, долгое время служившие своим хозяевам, впитавшие тепло человеческого тела, явившиеся результатом таланта, труда, мастерства людей, их придумавших и создавших, наконец, ими пользовавшихся, свидетельствуют о попытке Одинокой Мыши компенсировать свое одиночество.

С точки зрения В. Н. Топорова, «творение вещей – хронологически последняя волна космогенеза и антропогенеза, актуально развертывающийся этап творения. Человек не только видит и переживает его, но и, находясь внутри этого этапа, свиде-

¹ О двухадресности современной литературы, выходящей в форматах книг для детей см., например [1–3].

тельствует о нем тем, кто выступает как демиург, как „делатель“, как *homofaber*» [9, с. 8]. В этом смысле человек становится творцом вещного мира, порождая культуру, выстраивая свою собственную надприродную вселенную, в которой вещи, теряя свою связь с живой природой, начинают новую жизнь по законам антропоцентрического космоса. «Вещный космос» «компенсирует космическую неприютность домашним уютом, обжитостью, очагом, у которого может отогреться душа...» [9, с. 27]. Мышь, хтоническое существо, становится демиургом своей собственной вселенной, заменяющей ей весь остальной мир.

Но демиургическая деятельность Мыши окрашена авторской иронией. Само «творение» шкафа лишено какой-либо сакральной образности и носит сугубо утилитарный характер. «Краснодеревщик» Шашель со своим многочисленным семейством выпрызает бесчисленные полочки, ящички, впоследствии наполняющиеся всевозможными мелочами: «Ленты, кружева, ботинки, нижние юбки и все что угодно для души – все лежало на своих местах, в своих коробочках, под своим номером» [8]. Эта архивация свидетельствует о еще одной функции Мыши – не только демиурга, создателя, но и охранителя миропорядка. Об этом говорится в предыстории: до выхода на пенсию и поселения в дом-шкафу Мышь работала в переплетной мастерской, а по ночам охраняла городскую свалку: «Надев длинный прорезиненный плащ и взяв в одну лапу палку, а в другую фонарь, рыскала Одинокая Мышь по свалке из конца в конец, оберегая горы отличного мусора от воров» [8]. Шкаф был задуман и создан именно с целью упорядочения и сохранения добра, для того, «чтобы это прекрасное имущество, собранное тяжелым ночным трудом, не портилось и не ломалось, не трескалось и не билось, не плесневело и не гнило, не червивело и не высыхало» [8]. Существенно, на взгляд автора, и то, что Мышь не столько пользуется всем этим добром, сколько предполагает это сделать, архивируя и охраняя: «Мышь больше всего на свете любила свой дом-шкаф и часами любовалась своими богатствами...» [8].

Шкаф символизирует идею порядка и хаоса одновременно; он каталог воспоминаний [10, с. 77–90], вещей, некогда служивших людям и, возможно, еще способных послужить. В шкафу хранятся подарки, присланные родственниками Мыши, они оберегаются подобно реликвиям – бережно и любовно. В то же время шкаф становится «домом в доме», дублетным домом, символизируя отгороженность Мыши от мира, а каталогизация приводит к «смерти» вещей, хранящихся в многочисленных ящиках [10, с. 45].

Проделанный Шашелем потайной ход привел к вторжению непрошеного гостя. Микрокосм шкафа

создавался без единого плана, в результате чего вместо упорядоченного и гармоничного мира возникает лабиринт, устройства которого не знает не только строитель, но и его хозяйка. То есть вместо космоса с демиургом-Мышью во главе возникает гигантская ловушка, несущая угрозу своему создателю. Эта оборотная сторона порядка обнаруживается совершенно случайно: трубочист Федя перепутал дымоход и оказался в мышинном доме-шкафу, выполняя роль трикстера¹-хулигана, получающего удовольствие от игры с одинокой «старушкой». В результате его вторжения гармония разрушается; дом, созданный для выполнения функции защиты и сохранения, теперь становится источником беспокойства: Одинокая Мышь теряет сон, аппетит, ей мерещатся кошмары, она вынуждена постоянно проверять свои запасы, каждый раз обнаруживая порчу имущества, что создает новый повод для беспокойства. Долженствующий воплотить идею порядка шкаф превращается в свою полную противоположность, обнаруживая губительную сущность.

Мышь, привыкшая иметь дело с неживыми предметами, подчиняющимся воле хозяина, воспринимает вторжение чужеродного элемента как катастрофу, что заставляет ее приступить к решительным действиям. Она приглашает в дом мудрого Таракана, предпринимает меры для опознания и поимки преступника, наконец, покупает кота, т. е. неосознанно совершает действия, несущие угрозу самому ее существованию.

Можно условно разделить персонажей рассказа на «охранителей» дома-шкафа и «нарушителей». Первые – мудрая Змея и прозорливый Таракан, старающиеся помочь Мыши сохранить дом. Вторые – трубочист Федя и кот Игнасий. Это единственные персонажи, имеющие имя, в отличие от безымянных Змеи, Мыши, Таракана. Федя и Игнасий нарушают порядок «мышинного мира», в корне меняя жизнь центральной героини. Причем если Федя выступает в амбивалентной роли вредителя-спасителя, то кот Игнасий однозначно может быть отнесен к категории вредителей. Имя Игнасий (Игнатий) произошло от греческого – «*ignis*» – огонь [12] и в нашем случае является знаковым, ведь кота называли так «в честь знаменитого монаха» [8]. Можно предположить, что здесь имеется в виду Игнатий Лойола – основатель ордена иезуитов, беспощадный борец с еретиками. Кот – обжора и

¹ «В типе трикстера как бы заключен некий универсальный комизм, распространяющийся и на одурченных жертв плута, и на высокие ритуалы, и на асоциальность и неводержанность самого плута. Этот универсальный комизм сродни той карнавальной стихии, которая проявлялась в элементах самопародии и распущенности, имевших место в австралийских культовых ритуалах, римских сатурналиях средневековой масленичной обрядности, „праздниках дураков“ и др.» [11].

плут, коварное и хищное животное, сконцентрированное на удовлетворении собственных потребностей, наконец, первый враг грызунов – затаил на мышь злобу, вступил с Федей в стовор. Прделки Игнасия приводят к пожару, и от содеянного он получает удовольствие: «Давай отойдем в сторону, посмотрим, как будет гореть Мышиный дом. Увидишь, пожар будет замечательный!» [8] (здесь вспоминается сказка С. Я. Маршака «Кошкин дом»).

В отличие от кота, Федя бросается на помощь Одинокой Мыши и спасает ее, несмотря на опасность. В этом проявляется амбивалентная сущность трикстера, разрушающего и созидającego одновременно. Если Мышь в первую очередь думает о сохранности имущества и мешает своему спасителю, то Федя стремится спасти ей жизнь: «Она отбивалась, даже пыталась укунить Федю в плечо. Но Федя волок ее к двери, а за ним тянулась скатерть, которую Мышь ни за что не хотела выпустить из лап» [8]. Так, с одной стороны, Федя способствовал разрушению вещного, мертвого мира дома-шкафа, с другой стороны, он спас жизнь Одинокой Мыши как в физическом отношении (не дал ей погибнуть в огне), так и в духовном (спас от ложных ценностей, способствуя обретению семейного счастья). Само появление Феда оказалось роковой случайностью, выявившей несостоятельность ценностных установок Мыши. Его вторжение в шкаф привело к гибели мышино-космоса и одновременно к рождению (через очистительное пламя) новой Мыши – счастливой жены и хозяйки дома. История заканчивается благополучно (так и этот герой реализует семантику имени: Федор – «дар Божий» [12]): Мышь и Таракан заключают брак, Федя поселяется по соседству и иногда заходит к ним в гости; уползает восвояси мудрая Змея, кот Игнасий пропадает бесследно.

Отдельно следует остановиться на образе Таракана. Если Мышь – знакомый персонаж народной сказки, то таракан – фигура, не свойственная фольклору. В «Истории про кота Игнасия...» Таракан предстает как интеллект и кавалер, хотя всеядная тараканья сущность выступает на первый план. Во время обеда он съел все, что было, включая свечи, вазу и салфетку. Как и Змея, он относится к «охранителям», поскольку помогает Мыши изловить таинственного вора. Его действия имеют целью не устранение вредителя, а устройство своей личной жизни. Таракан является полной противоположностью Мыши, и его любовь к ней обусловлена стремлением пожирать все, что она сотворила. Но парадоксально то, что их семейная жизнь становится воплощением гармонии: Мышь готовит роскошные обеды, Таракан последовательно их истребляет.

Так иронически обыгрывается тема брака, семьи, характерная для произведений Л. Улицкой [13]. Автор не дает подробного описания дальнейшей семейной жизни Мыши и Таракана, заключая историю словами: «...оба вполне счастливы. Одинокая Мышь гордится тем, что у нее такой умный и образованный муж, а Таракан очень ее уважает за те замечательные обеды, которые она готовит ему каждый день...» [8].

Обращение к сказочному сюжету с традиционной свадебной концовкой позволяет Л. Улицкой воплотить в ироничной форме «общепринятую» модель жизненного устройства. Используя традиционные для фольклора персонажей (мышка, мудрая змея, храбрый кот) и образы литературных сказок, ставших архетипическими (кошка, которая гуляла сама по себе, Тараканище, трубочист), она создает свой собственный сказочный мир, в котором узнаваемые образы обретают новые черты. Мышь фольклорной сказки превратилась из помощницы в главную героиню, сохраняя при этом характерные для грызунов повадки (способность строить норы, делать припасы), их «психологию» (беззащитность, пугливость), что и способствовало ее воплощению в образе одинокой женщины, переносящей свое желание заботиться и любить на неодушевленные предметы. Таракан, самое адаптивное насекомое, приобретает сказочно гиперболизированную всеядность; трубочист, перекочевавший в «Историю...» из сказок Г. Х. Андерсена, остается героем находчивым, смелым, готовым прийти на помощь, гордый Игнасий исчезает в неизвестном направлении. Как и в сказках Г. Х. Андерсена, сказочный мир Л. Улицкой узнаваем в своей повседневности, это реалистический мир, в котором властвуют социальные и нравственные нормы. Здесь побеждает добро, а зло вытесняется, чем обеспечивается сказочная развязка («happy end»).

Сохраняя привлекательность для детей (благодаря авантюрному сюжету, понятным образам и сюжетным ходам¹), «История...» Улицкой посредством поэтики иносказания адресуется взрослому. Используя иронико-сатирический код, автор показывает, что искусственно созданный космос и гармония невозможны, более того, губительны². Изба-

¹ Детям понятно, что кот вряд ли станет помощником мыши, значит, привлечение его в помощники задает интригу (вспоминается разрешение подобной алогичной ситуации в сказке С. Я. Маршака «о глупом мышонке», избравшем себе в няньки кошку).

² Это соответствует мифопоэтическим значениям вещи. Вещь, по В. Н. Топорову, «замкнута, подчинена и уводит от „космического“, она делается путем умерщвления, искажения, ... и поэтому она не только „неприродна“, но и „антиприродна“ и даже более – она ниже природы и в свете телеологии природного и космического представляет собой своего рода тупиковый вариант» [9, с. 27].

виться от рукотворной гармонии, несущей гибель, помогают персонажи, для которых вещь – ничто, точнее, предмет игры.

«История про кота Игнасия, трубочиста Федю и Одинокую Мышь» – сказка о преодолении одиночества и обретении семьи. Попытка выстроить рукот-

ворную вселенную оборачивается катастрофой, более того, тавтологический демиургизм обнаруживает свою комическую сущность. В основе авторской концепции лежит идея о мудром мироустройстве, при котором даже досадные случайности способствуют установлению гармонии и счастья.

Список литературы

1. Губайдуллина А. Н. Проза С. Востокова как новый тип детского текста // Вестник детской литературы. 2015. № 9. С. 18–26.
2. Полева Е. А. Педагогические взгляды детского писателя Г. Остера и особенности их выражения // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2013. Вып. 6 (134). С. 86–92.
3. Полева Е. А. Художественное своеобразие прозаических миниатюр-сказок Татьяны Мейко // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2015. Вып. 10 (163). С. 172–178.
4. Тимина С. Ритмы вечности (роман Л. Улицкой «Медея и ее дети») // Тимина С. Русская литература XX века в зеркале критики. СПб.: Академия, 2003. 656 с.
5. Побывайло О. В. Мифопоэтика прозы Людмилы Улицкой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2009. URL: <http://refdb.ru/look/2113271.html> (дата обращения: 15.04.2015).
6. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_15.php (дата обращения: 21.04.2015).
7. Стеценко Е. А. Постмодернизм и современная теория хаоса // Вопросы филологии. 2010. № 1 (34). URL: http://journal.mosinyaz.com/page_82_34/ (дата обращения: 11.04.2015).
8. Улицкая Л. Е. История про кота Игнасия, трубочиста Федю и Одинокую Мышь. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=71863> (дата обращения: 10.04.2015).
9. Топоров В. Н. Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 7–111.
10. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004. 376 с.
11. Мелетинский Е. М. Культурный герой // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. С. 25–28. Т. 2. URL: <http://philologos.narod.ru/myth/heilbringer.htm> (дата обращения: 12.05.2016).
12. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/> (дата обращения: 16.04.2015).
13. Аلكсютин В. А. Мотивные комплексы, воплощающие тему семьи в рассказах Л. Улицкой // Вестник КемГУ. 2014. № 1 (57). Т. 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/motivnye-kompleksy-voploschayuschie-temu-semi-v-rasskazah-l-ulitskoj> (дата обращения: 22.04.2015).

Харламова Н. Б., студент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: ow1911owl@gmail.com

Чернявская Ю. О., кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: ucher@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 24.05.2016.

N. B. Kharlamova, Yu. O. Chernyavskaya

COSMOGONIC MYTH IN 'THE TALES ABOUT IGNASUIS THE CAT, FEDYA THE CHIMNEY SWEEP AND THE LONELY MOUSE' BY L. ULITSKAYA

'The Tales about Ignasuis the Cat, Fedya the Chimney Sweep and the Lonely Mouse' (2004) by L. Ulitskaya is a book published in a format of a children's book, but it has implied sense addressing to an adult reader. Intertextual code in 'The Tales ...' allows us to find out references to cosmogonic myths. The main character acts in the following roles: a demiurge trying to create her own cosmos (organized reality), a lonely woman trying to overcome her loneliness, and at last a recognizable character of folklore fairy tales who does not possess the abilities necessary for a cultural hero which leads to a catastrophe. Man-made demiurgism of the Little Mouse is held in derision. Also, 'The Tales ...' itself is read as a work about overcoming the loneliness and about finding of the family. At the base of the author's concept lays the idea about a wise world structure where even annoying accidents help to acquire harmony and happiness.

Key words: *fairy tales of L. Ulitskaya, literature with double addressing, modern children's literature.*

References

1. Gubaydullina A. N. *Proza S. Vostokova kak novyy tip detskogo teksta* [Prose of S. Vostokov as a new type of the children's text]. *Vestnik detskoj literatury - Bulletin of the Children's Literature*, 2015, № 9, pp. 18–26 (in Russian).
2. Poleva E. A. *Pedagogicheskiye vzglyady detskogo pisatelya G. Oстера i osobennosti ikh vyrazheniya* [Pedagogical views of children's writer G. Oster and peculiarities of their expression]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta - Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, № 6 (134), pp. 86–92 (in Russian).
3. Poleva E. A. *Khudozhestvennoye svoeobraziye prozaicheskikh miniatur-skazok Tat'yany Meyko* [Artistic peculiarities of Tatiana Meyko's prosaic short fairy tales of]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta - Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2015, №10 (163), pp. 172–178 (in Russian).
4. Timina S. *Ritmy vechnosti (roman L. Ulitskoy «Medeya i eye deti»)* [Rhythms of eternity (the novel by L. Ulitskaya «Medea and her children»)]. *Russkaya literatura XX veka v zerkale kritiki* [Russian literature of the XXth century in critics]. Sankt-Peterburg, Akademiya Publ., 2003. Pp. 656 (in Russian).
5. Pobivaylo O. V. *Mifopoetika prozy Lyudmily Ulitskoy. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* [Mythopoetics of Lydmila Ulitskaya: Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Krasnoyarsk, 2009. URL: <http://refdb.ru/look/2113271.html> (Accessed: 15 April 2015) (in Russian).
6. Lotman Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [Structure of literary text] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_15.php (Accessed: 21 April 2015) (in Russian).
7. Stetsenko E. A. *Postmodernizm i sovremennaya teoriya khaosa* [Postmodernizm and the modern theory of chaos]. *Voprosy filologii - Problems of Philology*, 2010. №1 (34). URL: http://journal.mosinyaz.com/page_82_34/ (Accessed: 11 April 2015) (in Russian).
8. Ulitskaya L. E. *Istoriya pro kota Ignasiya, trubochista Fedyu i Odinokuyu Mysh'* [Tales about Ignasius the Cat, Fedya the Chimney Sweep and the Lonely Mouse] URL: <http://www.litmir.co/br/?b=71863> (Accessed: 10 April 2015) (in Russian).
9. Toporov V.N. *Veshch' v antropotsentricheskoy perspektive (apologiya Plyushkina)* [Thing in anthropocentric perspective (Apology of Plyushkin)]. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image. Research in area of mythopoetics]. Moscow: Progress – Kul'tura Publ., 1995, pp. 7–111 (in Russian).
10. Bashlyar G. *Izbrannoye: Poetika prostranstva* [Selected works: Space poetics] Moscow: ROSSPEN Publ. 2004. 376 pp. (in Russian).
11. Meletinskiy E. M. *Kul'turnyy geroy* [Cultural hero]. *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of nations of the world. The Encyclopedia]. M.: Sovetskaya entsiklopediya Publ., Pp. 25–28, Vol. 2. URL: <http://philologos.narod.ru/myth/heilbringer.htm> (Accessed: 12 May 2016) (in Russian).
12. Petrovskiy N. A. *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary of Russian personal names]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/> (Accessed: 16 April 2015) (in Russian).
13. Aleksyutina V. A. *Motivnye komplekсы, voploshchayushchiye temu sem'i v rasskazakh L. Ulitskoy* [Motive complexes embodying the topic of a family in stories by L. Ulitskaya]. *Vestnik KemGU - Kemerovo State University Bulletin*, 2014, № 1 (57). Volume 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/motivnye-komplekсы-voploshchayushchie-temu-semi-v-rasskazah-l-ulitskoy> (Accessed: 22 April 2015) (in Russian).

Kharlamova N. B.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: ow1911owl@gmail.com

Chernyavskaya Y. O.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: ucher@sibmail.com